

“ЖИЛИ НЕ ТОЛЬКО ОДНОЙ РАБОТОЙ”: ИНТЕРВЬЮ С Н.С. ПОЛИЩУК

С.С. Алымов

Сергей Сергеевич Алымов | <http://orcid.org/0000-0001-9988-9556> | alymovs@mail.ru | к.и.н., старший научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Ключевые слова

советская этнография, история антропологии, Институт этнологии и антропологии РАН, этнография рабочих

Аннотация

Интервью с к. филол. н. Н.С. Полищук посвящено ее биографии, научной деятельности и работе в Институте этнографии АН СССР в 1960–1990-е годы. Большое внимание уделяется таким темам, как развитие этнографии города и рабочих, деятельность журнала “Советская этнография”, международные контакты советских этнографов. Н.С. Полищук сообщает интересные сведения о повседневной жизни ученых ИЭ, о судьбе П.Г. Богатырева и о многом другом.

Информация о финансовой поддержке

Публикуется в соответствии с планом НИР ИЭА РАН

Сергей Алымов (С.А.): Нинель Саввишна, расскажите, пожалуйста, кем были Ваши предки и родители и как они повлияли на Вас?

Нинель Полищук (Н.П.): Во-первых, они были очень верующими людьми. Я больше имела дело с родителями матери, они жили в городе или пригородном селе небольшого г. Изяслав в Хмельницкой области; отец мамин был сапожником. А мы жили совсем близко от них – сперва у них в доме, потом отцу дали квартиру. Родители отца жили в другой области, и мы ездили к ним в гости. По происхождению и те и другие – из бывших крепостных крестьян. По материнской линии – крепостные князя Сангушко¹, по отцовской – знаменитого немецкого архитектора барона Корфа. Мама моя все время поражалась, что приезжаешь в село к родителям папы, а оно все вычищено, вылизано, люди какие-то очень вежливые. Там были немецкие управляющие и, соответственно, все было немного по-другому.

Что касается моих родителей, то они были убежденными атеистами. Отец, Савва Кондратьевич Полищук, был одним из первых комсомольцев в своем селе, но жизнь у него сложилась не так, как он хотел. У него была потрясаю-

Статья поступила 17.06.2023 | Окончательный вариант принят к публикации 01.09.2023
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Алымов С.С. “Жили не только одной работой”: интервью с Н.С. Полищук // Этнографическое обозрение. 2023. № 5. С. 25–38. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050032> EDN: YDWQJM

Alymov, S.S. 2023. “Zhili ne tol’ko odnoi rabotoi”: interv’iu s N.S. Polishchuk [We “Did Not Live by Work Alone”: An Interview with N.S. Polishchuk]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 25–38. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050032> EDN: YDWQJM

Н.С. Полищук
(Личное дело Н.С. Полищук © Научный архив ИЭА РАН)

щая память, и он хотел заниматься наукой. Если мне нужны были какие-нибудь справки по истории Европы, Америки, отчасти Переднего Востока, не нужно было лезть в энциклопедию, можно было просто задать отцу вопрос. У бабушки, папиной матери, была такая же феноменальная память. Как-то моего отца отправили на курсы повышения квалификации высших политработников, так преподаватели вспоминали его и пять лет спустя: был такой Полищук, и не было вопроса, на который у него не было бы ответа. Он родился в октябре 1892 г., и в 1924 г. пошел в армию на полгода раньше срока, т.е. в весенний призыв, чтобы через три года поступить в Киевский университет. Это была мечта всей его жизни. Но его вызвали на партбюро и сказали: “Выбирай: или остаешься в армии, или клади партбилет на стол”. Сами понимаете, какой он сделал выбор. Так и остался в армии. В армии было очень много безграмотных, были школы в полках и частях. Отец преподавал, ему сказали так: “Пусть идет учиться тот, кто ничего не знает, а ты и так все знаешь”. Такая странная логика... Он учился по ночам. Я переняла у него это, мне лучше всего работается ночью.

Мама, Ольга Ивановна, 1909 года рождения. Она окончила семилетку, вышла замуж в 18 лет и в 20 лет родила меня, а потом училась в нашем городе на отделении рабфака, но не помню, от какого именно педагогического института – то ли Бердичевского, то ли какого-то другого. После окончания учебы она работала воспитателем в детском саду. У них с папой близкие были склонности, и они хорошо понимали друг друга. Как и все жены военных, долго, конечно, на одном месте не работала: посидели на одном месте, потом перебрасывают на другое. Я за десять лет учебы сменила семь школ. Только привыкнешь к учителям и к своим соученикам, а отец получает уже новое назначение. Когда отец ушел из армии, говорил, что так делают, чтобы люди не обрастали всякими знакомствами. Папу посылали на новое место, и каждый раз приходилось что-то “вытягивать” и улучшать; создавался иной тип людей. Но папа и умер рано, такое бесследно не проходит.

Одно могу сказать: у меня есть все основания гордиться своими родителями. Они были порядочными, честными людьми и помогали абсолютно всей родне, потому что мы были обеспечены лучше всех. Отец был старшим сыном,

а мама старшей дочерью, и как старшие дети они всем помогали, так принято. Моя мама занималась с теми, кто отставал в учебе. Когда я училась в школе, тоже помогала детям, особенно своей сестре, когда та пошла учиться. Так было устроено в нашей семье.

С.А.: Расскажите, пожалуйста, о своем детстве и школе, учителях и любимых предметах.

Н.П.: Я не давала жизни родителям, так сильно хотела в школу. Почти все мои подруги пошли учиться, а я осталась в старшей группе. В конце концов учительница решила меня взять, если согласится заведующий. К счастью, заведующий оказался бывшим маминым одноклассником. Мама думала, что мне все быстро надоеет, к тому же я поздно засыпала и поздно вставала, и на школу могло просто не хватить сил. Меня взяли условно. Пока договаривались, прошло недели две занятий. В первый день, когда нужно было идти в школу, родители встают, а я уже сижу в столовой в пальто, подготовлены вещи. Они удивились, а я просто боялась, что меня не разбудят. Сидела я в школе с мальчишкой, он был грязнуля, вся парта в чернилах. Во время занятий учительница меня не вызывала, пока я сама не стала просить об этом. Прошло две недели учебы, и мама не знала, что делать дальше, пришла в школу и говорит: “Каждый день она встает раньше нас, боится, что мы ее не разбудим”. Учительница похвалила меня, попросила оставить, сказала, что я даже перевоспитала Ванечку, своего соседа по парте. Одним словом, с этим мальчиком я просидела полгода и дали второго на воспитание [смеется].

Когда я окончила первый класс, был 1937 год, арестовывали людей, пересаживали с места на места. Моего отца вызвали в политуправление округа и предложили перейти из кавалерии в авиацию. Так мы переехали в Киев, где я проучилась второй и третий классы, а четвертый – уже в Борисоглебске Воронежской области. В этом городе знаменитое Борисоглебское училище им. Чкалова, очень многие его выходцы стали героями Советского Союза в Отечественную, да и в “царскую” войну тоже много было отличившихся. В Борисоглебске были свои прелести. Я же до этого жила в Украине, и бабушки с дедушками, к которым мы приезжали, тоже там жили. В Украине дома стоят поодаль от дороги и отделены от улицы палисадниками, цветниками, деревьями. Борисоглебск меня поразил деревянными домами – это купеческий город, богатый, а еще табличками “Осторожно! Злая собака!”. Все здесь было деревянное... В Украине все белое, а здесь – разноцветное дерево. В детстве самое яркое впечатление у меня оставил именно Борисоглебск, не Киев и не Москва.

Я выросла около границы и помню, как по утрам поздней весной или ранней осенью, только начинает светать, трещит телефон, значит, где-то перешли границу. Звонит телефон, а в окно уже стучит ездовой с лошадью. Отец ускакал; ни я, ни мама уже не спим: вокруг леса, вернется ли папа живой и здоровый? Могли ведь и подстрелить. Когда растешь в такой обстановке, поневоле становишься более внимательным и прислушиваешься к мелочам, на которые другие внимания не обращают. Армия действует и на детей. Это сказывается и во взрослой жизни. Как-то появился у нас в институте один американец, и я сразу сказала, что нельзя везти его за Урал, наверняка он церэушник. А Власова, помню, – она заведовала сектором после меня – упрекала, говорила, что мне кажется!

В те времена, когда у нас тут Сорос начал хозяйничать, мне, правда один раз только, дали десять работ, которые надо было отрецензировать. Когда я начала смотреть их, у меня волосы дыбом встали. Надо быть круглым идиотом, чтобы не понять, кому это нужно и зачем. Неужели ты не понимаешь, если тебе иностранец задает вопрос “Как у вас там представители разных национальностей взаимодействуют, дружат они или не дружат?” – это уже политика, а не наука! Нельзя такое делать, несколько работ я зарубила начисто! Или, помню, пришла

статья в журнал какого-то историка из Львова, и он пишет, что на Украине до войны не было украинских школ, были только русские. Если ты жил во Львове, откуда ты знаешь, что было во всей Украинской ССР? Мамина сестра окончила украинскую школу в 1935 г. Зачем такую чушь пороть? Отправила обратно эту статью; разумеется, не печатали такое. Я училась в русской школе, потому что мы не знали, где будем жить завтра, нужно было знать русский язык.

Я давно уже не была в Украине, а иногда тянет. Я очень люблю украинские песни, язык такой певучий. Все это в далеком прошлом. Были, конечно, разные случаи, однажды я не выходила из дома две недели, потому что меня обещали отпраздновать на тот свет ребята со стороны, обиженные. Так заковывался характер... На сенокос ходили, тяжело было, на четвертый день меня уже на телеге домой отвезли. Маме чуть плохо не стало от моего вида.

С.А.: Нинель Саввишна, давайте перейдем ко времени обучения в вузе. Как Вы определились с выбором профессии?

Н.П.: Я до сих пор считаю, что есть две истинно женские профессии: учитель и врач. Я никак не могла решить, какую из них выбрать. Сама жизнь подсказала мне. В 16 лет после 9 класса у меня был приступ аппендицита, и меня спас очень хороший молодой хирург: он рисковал своим положением, решившись на операцию, результат которой не мог гарантировать. Обидно мне было безумно: только кончилась война, и на четвертый день после Парада Победы это случилось. Мама улетела к папе в Польшу, а я осталась у ее подруги. Казалось бы, аппендицит – ерунда. Но предыдущий врач был некомпетентным, не распознал симптомов аппендицита и рекомендовал грелкой снимать боль. К утру у меня была температура около 40 градусов, и мамина подруга срочно оформила меня в госпиталь как свою племянницу. Начали делать операцию, и выяснилось, что аппендикс ушел под почку и не прощупывается, если он лопнет, начнется заражение крови. Собрали консилиум и решили рискнуть. Меня выносили. Но хирург попросил меня не идти в медицинский ни в коем случае, он понял, что с моим характером не стоит.

Я решила поступать в университет на филологический факультет. И здесь произошел интересный случай. Как-то, еще во время войны, отец ехал из Гомеля в Москву с одним из преподавателей исторического факультета, и всю ночь они разговаривали, а расставаясь утром, сосед спросил отца: “Мы проговорили всю ночь, но я так и не понял, кто Вы – историк или философ?” Папа ответил, что он политработник без высшего образования, и все. После операции я была выбрита налысо, потому что сильно лезли волосы. Сдавала документы в таком виде, словно из тюрьмы меня выпустили. Со мной пошел папа, и встретили мы в комиссии его соседа по купе. Вот так я и оказалась на историческом факультете. Я понимала, что нужно идти туда, но как-то с детства плохо запоминала имена, фамилии и даты и просто боялась! Можно сказать, судьба меня привела на истфак – и я не жалею.

Поступала я в 1946 г., принимали тогда в основном медалистов. Это был единственный такой год. Язык я тоже любила, но история и язык – очень близкие предметы. Я всегда говорила, что сижу на трех стульях: лингвистика, фольклористика, история. В наше время нельзя было заниматься чем-то одним. Наверное, этнография – самое мое. Почему живут люди так и каковы их обычаи – это интересовало меня всегда. Возможно, большое влияние на мои склонности оказал тот регион Украины, где я жила до 8 лет, там было смешанное население: поляки, чехи, евреи и мн. др. Никто внимания на отличия не обращал, главное, чтобы человек был порядочным.

Прекрасным педагогом и моим научным руководителем была Эрна Васильевна Померанцева – она занималась сказками. Позднее Эрна Васильевна

работала и в нашем институте. Сказка меня никогда не интересовала, в отличие от песен и преданий – они отражают душу человека, помогают его понять. Очевидно, сказалось влияние армейской среды: меня увлекали песни с политическим, общественным содержанием. Изучая репертуар человека, можно определить его мировоззрение, отношение к власти, понять, что он представляет из себя. Кроме того, такие песни я знала с детства, ходила на все демонстрации с мамой. А вот литература меня отвращала многими вещами. Так, книги о Пушкине заставили меня возненавидеть их авторов: зачем лезть в чужие души? Важно, что написал автор, а не какой он человек. Писала на первом курсе какую-то работу о Пушкине, читала, видимо, литературу, до которой не доросла на тот момент.

Меня необычайно увлек фольклор. Я занималась сравнительным анализом песен отечественных войн 1812 и 1941–1945 гг. Мы ездили в экспедиции. Впервые я поехала после второго курса в 1948 г. в русские районы Башкирии. По материалам этой экспедиции вышла книга. Экспедицию 1949 г. я пропустила, наверное, ездила в санаторий из-за проблем со щитовидной железой, мне нельзя было работать на солнце. Я завидовала сокурсникам страшно! Все приезжали веселые, загорелые, с новыми песнями, частушками и анекдотами. Такая жизнь сближала людей.

В фольклорные экспедиции на 1,5–2 месяца я начала ездить в основном уже после окончания учебы, когда стала работать. Больше всего меня интересовал быт, с которым я не была связана в реальной жизни, – быт рабочих. Может быть потому, что с детства слышала много рассказов рабочих Ленинградского завода. Мой дедушка вспоминал, как 5 января они шли к царю “проситься”. На ребенка такие вещи оказывают очень большое влияние, застревают в голове. Когда я попала с аппендицитом в госпиталь, рядом со мной лежала жена крупного начальника из Ленинграда, она тоже рассказывала о быте рабочих завода – абсолютно иная жизнь. Мне хотелось разобраться в этой жизни, узнать, как было на самом деле, потому что много было придуманного. Я встречалась со старыми большевиками, с кадровыми рабочими. Кого-то тянуло за границу (как там живут иностранцы), а меня – к нашим людям, к тем, кто был от меня далек. Я много лет ездила в Нижний Тагил в командировки, мы ходили по домам и квартирам – по сути это были настоящие экспедиции! В 1971 г. вышла моя книга “Культура и быт рабочих горнозаводского Урала”, ее года три назад в США переиздали, а у нас никто и не вспомнил о ней! Это была одна из первых книг о наших рабочих. После выхода этой книги, поскольку у меня были и другие публикации, меня и взяли в Институт этнографии.

С.А.: Расскажите, пожалуйста, как Вы поступили в аспирантуру, и кто был Вашим научным руководителем?

Н.П.: Вы знаете, для меня это был неожиданный подарок. Я не собиралась вообще заниматься наукой, я как-то больше готовила себя для работы в школе. Значительную часть выпускников посылали на периферию в разные места, мы могли попасть куда угодно: и в деревню, и в какой-то маленький городочек, где библиотеки толком нет. Я понимала, что нужно для провинциальной школы, и сделала запас материалов. Например, осторожно вынимала из “Огонька” иллюстрации к книгам классиков литературы и собрала очень много. Подбирала какие-то книги, которые мне могли пригодиться. Одно дело читать Гоголя, а другое – показать книгу, где собрано огромное количество иллюстраций к его произведениям... Я и сама узнавала много нового и готовила себя именно к тому, чтобы “сеять доброе”.

Распределение началось 6 апреля 1951 г., за месяц до окончания университета, я запомнила этот день на всю жизнь. Было очень тепло. Отобрали нас

30 человек, почти все отличники, и строем повели к ректору. Сначала выясняли твою биографию. В те времена колоссальное внимание уделялось тому, были ли родственники в оккупации, был ли ты сам в оккупации, эта тема была очень острой. У меня в оккупации была вся родня старшего возраста: мамыны родители, папины родители и другие родственники. Причем мамыны родители оказались “под немцами”, как тогда говорили, уже через две недели после начала войны. Это был г. Изяслав в Хмельницкой области, в 20 км от Шепетовки, крупный железнодорожный узел. Даже сейчас мороз по коже, когда я слышу упоминание этих мест. Председатель комиссии расспрашивал про бабушек и дедушек, почему они не уехали, разговор был долгий.

Вел распределение какой-то журналист, участник войны вроде бы, в то время отделение журналистики было еще на филфаке. Он и прицепился к тому, что у меня были родственники на оккупированной территории. Меня хотели распределить в канцелярию Сталина. В основном это работа с бумагами, в три смены – утренняя, ночная, дневная. Я бы так точно не смогла, да и неинтересно было мне править чужие ошибки. В нашем институте были люди старшего поколения, которые там отработали. Они говорили, что тяжело было выдерживать ночные смены.

Долго-долго этот журналист меня “мытарил”, а потом спросил: “Почему Ваш отец в Германии?” Вопрос дурацкий совершенно: потому что он военный, и будет там, куда его пошлют. Когда он этот вопрос задал, тогда уже представитель Кремля не выдержал и вдруг так резко говорит: “Хватит, довольно. Мы берем ее к себе”. Тот сразу растерялся: “Я почему так ее расспрашивал, ее рекомендовали в аспирантуру”. Ну тут уже я онемела, потому что об этом услышала впервые. Тогда представитель Кремля сказал, что раз рекомендовали в аспирантуру, пусть готовится к поступлению. Если не пройдет, мы ее возьмем к себе.

О том, кто меня рекомендовал в аспирантуру, я узнала спустя очень-очень много лет, где-то в 1980 г. Оказывается, это был заведующий кафедрой, Петр Григорьевич Богатырев, крупный ученый, славист. Он знаком был и с Маяковским, и с многими другими, очень интересная фигура. Эрна Васильевна Померанцева буквально за месяц до своей смерти сказала, что это он рекомендовал меня в аспирантуру, поскольку ему очень понравилась моя дипломная работа. У меня перед ним до сих пор чувство вины, так и не отблагодарила его. Но ведь я ничего и не знала.

Из-за Петра Григорьевича же я чуть не потеряла место в аспирантуре. Когда в 1951 г. я оканчивала университет, арестовали целую группу студентов, и туда попал его сын, который и войну прошел, и много всего. Немало вспоминается горьких минут. Так, в 1947–1948 гг. арестовывали наших сокурсников, а в 1953 г. все они были оправданы. Это я никак не могла “переварить”: ребята прошли всю войну, они не могли быть врагами... Время было тяжелое, скажем прямо. Когда арестовали сына Богатырева как изменника Родины, где-то через год Петра Григорьевича уволили из университета. На кафедре знали, кто рекомендовал меня в аспирантуру, и решили, чтобы никого ни в чем не обвинили, оставить рекомендацию без внимания. Всего было три места, взяли парня из Белоруссии и одну женщину, а я не попала, хотя сдала экзамены лучше всех и только у меня была рекомендация. Саша Лебедева работала тогда в Краснопресненском райкоме партии, она мне говорит: “Вы идите к министру высшего образования и спросите, в чем дело”. Я поехала в министерство, а там, на мое счастье, заместителем министра был бывший заместитель ректора нашего университета. Я была с ним знакома. Он тоже был удивлен и не понимал, почему меня не приняли. А дело было в том, как я позже узнала, что моим научным руководителем был назначен Богатырев... Когда это выяснилось, все были возмущены, и в конечном итоге меня зачислили.

С.А.: И какая у Вас была тема?

Н.П.: “Рабочие песни периода первой российской революции”. Я просто доказывала и показывала, что песни играют колоссальную роль в формировании мировоззрения людей, помогают им принимать различные взгляды, что они оказывают большое влияние и на революционное движение тоже. То, что рабочие читают, что они поют, – это все очень важно. Песни поднимали людей на забастовки. Когда после выхода к Зимнему дворцу в январе 1905 г. пошли расстрелы рабочих, то многие из них, вернувшись домой, посрыгали со стен портреты царя, потому что это было сделано по его приказу. Я рассматривала связь рабочих песен не только с русской демократической поэзией, но и с крестьянской, сопоставляла традиции и новаторство. Вы понимаете, мне сейчас очень трудно вспомнить что-то конкретное, потому что этой темой, этой проблемой я занималась всю жизнь – но занималась по-разному: разные традиции в разное время, разные подходы. Какую роль песня играла в революционном движении, как она вообще меняла образ жизни, взгляды на окружающий мир. Но потом как-то потихонечку я поняла, что на одних текстах сборников никуда не уедешь и много не узнаешь, и занялась тщательным изучением и публицистики, и прокламаций, и всевозможных архивных материалов, т.е. я постепенно от песен перешла к быту рабочих. Тема все время расширялась и расширялась. Начинала я как фольклорист, а заканчивала уже как этнограф.

С.А.: Нинель Саввишна, расскажите, пожалуйста, как Вы пришли в Институт этнографии.

Н.П.: После аспирантуры, конечно, нам работы никто не предлагал, надо было самим искать. А предлагать себя, это как-то не в моем характере, я это не умею. Моя однокурсница преподавала в педагогическом институте русский язык иностранцам. Она ушла в декретный отпуск и говорит: “Хочешь, бери мою ставку”. И я после окончания аспирантуры пошла преподавать русский язык иностранцам. Я проработала там два с половиной года. Это был 1955 г., первые учебники только создавались. Я поняла, что надо либо уходить и заниматься фольклором, либо переходить в университет на кафедру русского языка для иностранцев и делать учебник из своих наработок.

В этот момент мне предложили работу в Петрозаводске. Там, видимо, были деньги, открывались новые институты, а людей не хватало. Оставались места в Институте лесного хозяйства, а в Институт истории, языка и литературы искали человека в сектор русского фольклора. Кто-то позвонил Чистову, он тогда заведовал как раз отделом фольклора и литературы. Чистов позвонил в Ленинград, но там никто не захотел ехать в Петрозаводск, тогда он позвонил Эрне Васильевне Померанцевой и спросил у нее, нет ли среди ее учеников кого-нибудь, кого она может порекомендовать. А я летом 1957 г. была руководителем экспедиции студентов и познакомилась с Чистовым. Померанцева мне предложила – я согласилась тут же, мгновенно собралась и отправилась в Петрозаводск. Это было начало года, чуть ли не 2 января, и я сразу начала работать. Мы занимались разными темами, в том числе немножко и рабочим фольклором, там был большой Онежский завод. Я и еще одна сотрудница подготовили библиографический указатель карельской литературы за 40 лет – с 1917 по 1957 г. В начале 2000-х годов этот указатель был дополнен и даже получил какую-то международную премию.

В эти годы мой интерес к рабочему фольклору укрепился. Все привыкли, что занимаются фольклором крестьянским, а город изучается очень мало. И вдруг в конце 1950-х годов во всем мире начинается какой-то бум, бурный интерес к этнографии города и, в частности, к этнографии рабочих. Институту этнографии даже какие-то ставки выделили. Я приехала в Москву на 1 Мая, и

мне позвонили из института и предложили работу – исследование в Нижнем Тагиле. Я согласилась моментально. Петрозаводск я вспоминаю как очень хорошее время в моей жизни, но в других республиках все-таки больше внимания уделяется местному фольклору и этнографии коренного населения, а все это было не совсем мое... Конечно, была обида; в Петрозаводске директор мне сказал: “Я так и думал, что Вы у нас не останетесь, что Вы от нас уедете, что Вы на время приехали”. Я вернулась в Москву, и меня зачислили сразу старшим научно-техническим сотрудником.

Я работала вместе с Верой Юрьевной Крупянской в конце 1960 – начале 1961 г. в Нижнем Тагиле, когда получила сообщение из университета, что моя диссертация принята к защите и 10 февраля защита. Я уехала в Москву, защитилась и уже 12 или 13 февраля вернулась в Нижний Тагил. Мы работали в архиве, встречались с людьми, ходили по разным учреждениям. У Веры Юрьевны там было довольно много знакомых. У нее была одна тематика, у меня другая. Она занималась жилищем, материальной культурой и семейным бытом, отчасти историей. Я – в основном фольклором, а также изучением праздников, тем, как люди проводят свободное время, очень много занималась образованием. Первую книгу, которую я уже упоминала, мы с Верой Юрьевной выпустили в 1971 г.², а вторую, по советскому периоду, над которой работали уже вчетвером, в 1974 г.³

Я помню, как после выхода второй книги, Бромлей мне сказал: “Нинель Саввишна, как Вы могли пропустить такое?” – не скажу сейчас уже, о чем шла речь. Дело в том, что мы с Верой Юрьевной Крупянской были стопроцентно советскими, но у двух других авторов этой книги – ленинградки Юхневой и Будиной из нашего института – были другие взгляды. Бромлею я ответила: “А меня никто не спрашивал, я же не редактор, в конце концов у нас Чистов редактор”. Но в целом, по-моему, книга получилась неплохая. Хотя мороки с ней было очень много. Если мы с Верой Юрьевной старались показать все хорошее, что произошло за годы советской власти, то Юхнева, например, видела только плохое: она “вытаскивала” одни минусы (и с рабочим днем не так, и то не так и это не так...), а Будина вообще была такая либералка... писала о вещах, о которых не стоило писать, а если уж братья за это, то надо было как следует разбираться во всем. У разных людей разные точки зрения, у нас одни подходы, у них другие. Но, слава богу, книги вышли. Обидно только, что наша первая книга издана была маленьким тиражом, предполагалось, что она будет подарком молодым рабочим, приезжающим в Москву; был такой обряд [посвящения в] рабочие. Тираж очень быстро разошелся, к нам обращались и начальство заводское, и партийные органы. Книгу трудно было достать, нижнетагильские предлагали деньги, говорили: “Мы вам оплатим все”.

В институте таких новичков, как я, было мало, основная масса сотрудников работала много лет в экспедициях. Тогда был еще Музей народов СССР, который находился в районе Парка культуры и Нескучного сада, его директором был Толстов. Но он довольно быстро ушел добровольцем на фронт, был тяжело ранен. Его списали и отправили организовывать институт в Средней Азии. Там он и собирал всех тех, кто уехал из Москвы. Это история известная.

С.А.: Вы лично общались с ним, помните его?

Н.П.: Очень мало мы общались. Когда я приехала, он был уже болен. Его все побаивались – человек с характером был. Он рано осиротел, отец погиб в Первую мировую войну, и они с младшим братом воспитывались в детском доме. Меня привели к нему знакомые. В это время Институт истории СССР готовил книгу какую-то, обратились к нам с просьбой написать этнографическую часть о быте народов. Я описывала городское население, Людмила Николаев-

на Чижикова занималась крестьянством, а главным был Михаил Григорьевич Рабинович. Толстов, видимо, заинтересовался этой работой, и меня привели к нему. Я шла, и у меня аж поджилки тряслись, а он оказался очень милым человеком. Видимо, я не успела “напакостить”, поэтому он так вежливо со мной разговаривал, хвалил написанные материалы.

С.А.: А какие отношения были у Вас с Ю.В. Бромлеем?

Н.П.: Никогда проблем с директором у меня не было. Всегда старалась держаться подальше от начальства. Если директору нужно было, вызывал меня. К Бромлею я относилась с огромным уважением. Все свои обещания он выполнял. Он окончил университет на год раньше меня. Фронтвик. Я поступила в 1946 г., а он в 1945 г. Познакомились мы, когда он пришел в институт. Наши его прекрасно знали. Бромлей был очень воспитанным человеком, из интеллигентной семьи, никогда не слышала, чтобы он повышал голос. Помню только один случай, когда Бромлей высказался довольно резко: в 1991 г. (мы уже переехали в новое здание) шли разговоры вокруг Литвы, и некоторые молодые сотрудники на партсобрании выступили, мягко говоря, не очень. Вот тогда Бромлей сказал: “Вы понимаете, что происходит или нет? Страну разваливают!” Бромлей пользовался большим уважением не только у наших специалистов, но и за рубежом, он ездил на конференции, на совещания. Он сидел через три-четыре комнаты от нас. Скажем, готовится номер с его статьей о конференции или о чем-то еще, но материала нет под рукой. Он мог позвонить и попросить какой-то оттиск. Мы относили. В институте работало много его однокурсников, он вообще всем старался помочь: выбивал квартиры. Он никому не мешал работать, не заваливал работой по своим темам.

Когда он умер, мы как раз возвращались из командировки, нас встретили на аэродроме и сообщили о его смерти. Дождались, когда все сотрудники вернутся, и устроили похороны. Задолго до этого он мне говорил, что у них все мужчины в роду умирали довольно рано. У него было большое сердце и четыре года войны за плечами...

С.А.: Что говорила молодежь на собрании? На что разозлился Юлиан Владимирович?

Н.П.: Это была публика, которая была настроена работать в духе Сороса. Политика, речи о науке не шло. Все то, что творилось в 1990-е годы, для меня вообще было трагедией. Я думала: какое счастье, что мой отец умер, что он этого всего не увидел, не застал.

С.А.: Расскажите, пожалуйста, о Вашей работе в журнале “Советская этнография”.

Н.П.: Когда я шла в журнал, старшие коллеги меня отговаривали, но у меня не было выхода, я оказалась в таком положении, что хочешь или нет, но нужно идти. Юлия Павловна [Аверкиева] серьезно болела. Моя предшественница последние годы не работала, была занята написанием докторской диссертации, ездила каждый год в экспедиции на два месяца, а как-то мобилизоваться, как это делал, например, Тумаркин, она не могла. Для нее на первом месте была собственная работа, это тоже нельзя осуждать. Статьи могли подолгу лежать на столе. Я отбивалась, как могла, последним моим аргументом было то, что я беспартийная. А на такие должности, журнал то исторический, это же не математика, назначались только члены партии. Но на это мне секретарь сказал: “Ничего, через год Вы будете кандидатом”. И действительно, через год меня приняли в кандидаты в члены КПСС.

В журнале у нас был такой порядок: материал для первого номера сдавали 10 ноября, для второго – 10 марта, и так далее – по 10-м числам нечетных месяцев. Все праздники сотрудники журнала, как правило, сидели в библиотеке или в институте – получали разрешение, чтобы работать в праздничные дни.

С.А.: Вы работали без выходных и праздников?

Н.П.: Да, так получалось. Для того, чтобы сдать номер, нужно было получить все статьи с подписями авторов, подтверждающими согласие с правками. Почта работает не быстро, да и авторы тоже не выдерживали сроки. Иногда приходилось заменять одну статью другой в самый последний момент. Старались, чтобы всегда был запас на такой случай: вдруг автор окажется недоволен тем, как его отредактировали, тогда потребуется замена. Все упиралось в финансы, нас могли оштрафовать. Я не имела дела с финансовой стороной и не понимаю, как это было устроено... Помню, что первое прочтение верстки вызвало у меня ужас: обилие опечаток, ошибок! Со временем наладили отношения с издательством и спокойно работали.

С.А.: А кто определял, что будет печататься, а что нет?

Н.П.: Автор присылал статью, ее отдавали двум специалистам на рецензию, тем, чьи исследования близки по тематике. Чаще всего рецензии писали наши сотрудники, а если не было своих специалистов, то обращались в смежные институты: в Институт востоковедения, в МГУ на кафедру этнографии, в Институт истории. После получения отзыва статью читали заместители главного редактора, отвечавшие за публикации по народам СССР и зарубежной этнографии. У каждого была своя тематика. Д.Д. Тумаркин занимался зарубежной этнографией, а когда он уезжал в экспедиции, то обычно заранее прочитывал определенное количество статей, подготавливал их к публикации, а дальше уже было проще.

С.А.: С какой целью заместитель редактора читал статьи?

Н.П.: Проверял, чтобы не было никаких глупостей, чтобы это была действительно нужная публикация, сообщающая что-то новое. Если в сотый раз повторяют одно и то же, это никому не нужно! Случалось, что присылали статьи люди, не умеющие писать и не понимающие, что такое этнография, просто они что-то где-то прочитали. Приходилось очень вежливо отвечать, что в таком виде статью печатать мы не можем или что всем уже известен этот материал. Советовались между собой. Членам редколлегии давали читать все статьи, которые планировались в номер. Редколлегия обсуждала состав журнала, что печатать, что не печатать, порой заказывала какие-то статьи. Могли даже упрощать кого-то, чтобы опубликовать интересный материал. Но это решалось все коллегиально.

Хорошо помню одну из первых статей, с которыми я работала. Автор из Новосибирска, очень хороший историк, потом стала и прекрасным специалистом по этнографии. Номер был уже укомплектован, а я сняла эту статью. Все остолбенели! Она ведь великолепный автор! Я знала, что она великолепный специалист, но ее статья могла стать в несколько раз лучше и нужнее после внесения правок, которые я предложила. Дело в том, что я работала в Сибири и натолкнулась на очень интересный материал – он не нужен был для моей работы, но мог пригодиться для этой статьи. Я написала автору, посоветовала ей ознакомиться с этим материалом, сообщила номер дела и предложила в течение двух-трех недель дописать статью. Наши были в ужасе! Тем не менее от автора пришло письмо с благодарностью. Спустя какое-то время мы получили новый вариант и опубликовали его. Я храню номер журнала с этой статьей и благодарственной надписью автора. С тех пор мы с ней были в очень хороших дружеских отношениях.

Был и другой случай: среди первых работ, которые я сняла с номера, была рецензия моей подруги на книгу одного из этнографов. Я позвонила ей и спросила, зачем она взялась за рецензию? Оказалось, автор сам попросил ее об этом. Поскольку я знала отношение кафедры к этой книге, а оно было резко отрица-

тельным, я решила: пусть обижаются, но рецензию я сниму. Это была бы не помощь автору, а наоборот, могли сделать только хуже. Историки уже насторожились, а если появится рецензия, то и журнал поставим в дурацкое положение, и автору книги сделаем хуже, да и автору рецензии тоже.

С.А.: Что это за противоречивая книга была?

Н.П.: Таких книг было много. Я даже не буду вспоминать, это дела давние, 1970-е годы. Такими были мои первые шаги. Позже со мной уже и не спорили, люди поняли, если я отказываю, значит, есть объективные основания, я не придираюсь по мелочам. Хотелось, чтобы нашему журналу верили, чтобы он был хорошим. В начале 1980-х годов была конференция то ли в Германии, то ли в Чехословакии, там отметили наш журнал за высокий уровень публикаций и освещение научной жизни. Я про себя подумала: “Знали бы вы, сколько я на эту научную жизнь трачу времени, можно было книгу написать”.

Если я “браковала” какую-то статью, отзыв подписывала всегда своей фамилией, никогда ни за кого не пряталась. Считала, что каждый должен отвечать за то, что он делает. Бывали звонки и из парткома Академии, и из райкома, и даже как-то из Отдела науки ЦК... по-всякому было. Обычно, когда объяснишь, почему отклонена статья, тебе говорят: “Эх, что Вы хотите, человеку захотелось прославиться, не обращайтесь внимания”. Во всяком случае ни разу меня никто не упрекнул в том, что я кого-то обидела, неправильно оценила. Понимаете, для меня не было своих и чужих, был просто автор и все. Если хорошая работа – тебе “шелковый” путь, а если она никуда не годится, а тебе просто хочется, чтобы твое имя появилось в журнале, – до свиданья.

С.А.: Расскажите, пожалуйста, как была устроена повседневная жизнь института. Вы каждый день ходили на работу?

Н.П.: Это зависело от должности: лаборанты ходили ежедневно, у м. н. с. было два свободных дня, а с. н. с. – два раза в неделю приходили в институт. Это можно проследить только по приказам, запомнить невозможно, все быстро менялось. Моя сестра в это время работала в Историческом музее и завидовала моим условиям труда: хороший коллектив, удобный график. Было время, когда мы, приходя в институт, снимали и вешали номерки – по ним проверяли, не опоздал ли ты. Каждый квартал мы сдавали отчет о выполненной работе, и была институтская комиссия, которая проверяла: сделано или нет. Бывали и такие времена, когда нужно было прийти с утра в институт, расписаться в журнале посещаемости и только потом отпрашиваться в архив или библиотеку – могли даже прийти туда с проверкой. Это глупо, ведь кто хотел работать, тот работал и так. Ходили в те библиотеки, которые были ближе: кто-то в историческую, кто-то в библиотеку недалеко от института (она потом сгорела), многие любили посидеть в нашей библиотеке, она была прекрасная! Это было время очень жесткого режима, примерно в середине 1980-х годов. Но ничто не сохранялось надолго, без конца все менялось, и новое всегда было хуже предыдущего.

Мы все вместе ходили на демонстрации, на субботники в конце апреля: подметали улицу, вычищали здание перед 1 Мая – общая работа сближает. Большая часть сотрудников участвовала во всем этом с удовольствием, но не все, конечно. В нашем отделе была дама, которая говорила: “Я не для того кончала университет, чтобы подметать”. Для меня институт всегда был родным домом. Мы проводывали тех, кто заболел, помогали нуждающимся. Помню, как собирали деньги кому-то из коллег на первый взнос на квартиру. Был настоящий коллектив. Сильно объединяли людей экспедиции: в обычной жизни не так много времени для общения, а в поле лучше узнаешь людей, сближаешься с кем-то или, наоборот, с кем-то отношения могут испортиться.

Мы с Вами говорили только о том, что касается работы, но жизнь людей состоит не из одной работы. Наш институт славился и своим умением отдыхать. Я была членом месткома, видимо, никто не хотел этим заниматься. Все валяло на новеньких, а я только недавно пришла в институт и сопротивляться как-то не умела. У нас были очень интересные экскурсии по Москве. Их обычно проводил Михаил Григорьевич Рабинович, знаток Москвы. Кто-то прихватывал с собой и членов семьи, детей, я, например, брала свою сестру, она тогда школьницей еще была. Михаил Григорьевич с нами и в другие города ездил, мы объездили все вокруг Москвы, были на Севере, даже в Ереване в 1980-е годы; вообще, где мы только не были. Жизнь у нас кипела. Не могу сказать, что в этом участвовал абсолютно весь коллектив института, но было много тех, кто с удовольствием ходил и на разные экскурсии, и на какие-то выставки. Это были годы, когда к нам много иностранцев приезжало – то какой-то фестиваль, то еще что-то. На вечера и праздники в институт приглашали артистов. Спортом интересовались. Местком занимался абонементом в бассейн, покупал даже ракетки для пинг-понга... То есть жили мы не только одной работой.

Коллеги вспоминали, что, когда еще институт был в здании, позднее отошедшем Пушкинскому музею, часто проводились капустники, и были люди, которые умели их делать. Приходили коллеги со всех этажей, особенно часто археологи. Капустники проводились и после переезда в новое здание. Люди собирались в большом конференц-зале на четвертом этаже, сидели даже на подоконниках! Когда в июне 1960 г. я пришла в институт, традиция капустников еще поддерживалась. У меня сохранился даже текст одного из них – о Миклухо-Маклае. Какое-то время в институте был и свой джазовый оркестр. Наверное, многие уже забыли об этом, все это закончилось в начале 1990-х годов.

С.А.: А как часто проводились капустники?

Н.П.: Обычно их приурочивали к каким-то праздникам или годовщинам. Очень торжественно всегда отмечали 9 Мая, готовили концерт. У нас было много фронтовиков. Жизнь кипела, но потом все это ушло, и люди стали думать только о том, как бы побольше заработать.

Раньше были другие условия и в стране, и в институте. По рассказам, сначала все сидели в одной или двух комнатах! Я как раз пришла в тот момент, когда институт переезжал с улицы Фрунзе, кажется. Было время, когда сотрудники не помещались в кабинетах, они работали в библиотеке или дома. С переездом на улицу Дмитрия Ульянова летом 1960 г., а потом и на Ленинский проспект в декабре 1990 – начале 1991 г. начался новый этап жизни института. Комнаты стали просторнее, но прибавилось и сотрудников, так что все равно было тесно.

С.А.: Расскажите, пожалуйста, про первую Вашу заграничную поездку и сотрудничество с зарубежными учеными.

Н.П.: Первая моя поездка была в Чехословакию. Это был 1968 г., кажется. Пришло приглашение, по-моему, даже не именное, на конференцию, связанную с этнографией городского населения. В этот период во всем мире появился интерес к разным слоям городского населения, это не было сугубо нашим направлением, в каждой стране свои традиции. Историки занимались этим давно. У нас в институте решили заняться Уралом как рабочим центром. На конференцию отправили Маргариту Николаевну Шмелеву, она долго занималась населением дореволюционного и современного русского города, публиковалась вместе с Анохиной. Почему-то Анохина не смогла поехать, и с Маргаритой Николаевной поехала я. Незадолго до отъезда я сильно упала и у меня была забинтована нога, правда, там я снимала повязку и ходила через силу. Хотя политические отношения в целом между нашими странами были непростыми, нас очень хорошо приняли, пригласили в рыбный ресторан – а я не ем

рыбу и мучилась там [смеется], но выдержала этот экзамен. Мы должны были еще съездить в Братиславу, у нас было уже все оплачено, расписан маршрут – и тут вошли наши войска, и все сорвалось. Нам сказали, чтобы мы утром собирали вещи и ехали на вокзал.

Но в этой поездке завязались знакомства, началась переписка, да и потом у нашего сектора была связь с Чехословакией и Германией, потому что мы работали над сходными проблемами на разном материале. В 1979 г. в Чехословакии у меня был доклад о влиянии жилищ на образ жизни рабочих. Буквально два-три абзаца и выводы. За эти несчастные абзацы уцепились два этнографа, чех и немец, и извели меня просто! Они давно думали об этом же, говорили, что я правильную тему подняла и стоит ее развивать. Приглашали меня на конференцию на следующий год. Я не собиралась никакого шума поднимать вокруг этого, вышло случайно. Мне было интересно, как жилищные условия, возможности обучения влияют на человека. Но на меня так надели, что отказаться я не смогла и на следующий год поехала в Германию. Это был 1980 г. Мне и в голову не приходило, что мой доклад поставят первым, он открывал конференцию! Было очень тяжело, но доклад прошел на отлично и его опубликовали в Германии.

С.А.: На каком языке Вы разговаривали с чехами, поляками?

Н.П.: Поляки, например, делали свои доклады на немецком языке, а я первые два абзаца читала по-немецки, натренировавшись дома, потом отдавала свой текст немцу, и дальше читал он. Поляков никто не мог понять, а мой доклад всем был понятен. Чехи все понимали немецкий язык, но один из них, известный ученый, не выносил немецкого, многие его родственники погибли в годы войны.

Во время первой поездки в Чехословакию мы со Шмелевой жили в прекрасной гостинице, нас водили в театр, в музеи. У меня не было никаких претензий, хотя ехала я туда с некоторой тревогой. Позднее в Германии мы встречались с коллегами несколько раз и в Югославии ближе к 1990-м годам. Но это были уже не те встречи, все постепенно осложнилось и осложнилось. Тем не менее долго сохранялась переписка, поздравляли друг друга с праздниками. Меня болгары удивляли своим не очень хорошим отношением. В 1983 г. у них был фольклорный фестиваль, конференция, и я вместе со своей коллегой поехала туда. Я занята была научными беседами, потом все пошли посмотреть город. Стояла очень сильная жара, и один болгарин, который все время неприятно “проезжался” по поводу русских, отдал мне свою соломенную шляпу. Меня это удивило, я подумала, что все-таки они нас не так сильно ненавидят. Он дал мне понять, что ничего не имеет против меня, но против нас – да. Это меня до сих пор продолжает удивлять. Столько сделали для болгар, спасли их от турок когда-то... У меня и с венграми были прекрасные отношения. Возможно, кто-то нос задирал, потому что он из СССР, а я нормально со всеми разговаривала – так же, как я разговариваю с Вами.

С.А.: Большое спасибо, Нинель Саввишна, за интересный рассказ!

Примечания

¹ Сангушко – княжеский род, владевший имениями на Волыни (ныне территория Юго-Западной Украины и Польши).

² Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1971.

³ Крупянская В.Ю., Будина О.Р., Полищук Н.С., Юхнева Н.В. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила. 1917–1970 / Отв. ред. К.В. Чистов. М.: Наука, 1974.

Interview Article

Alymov, S.S. We “Did Not Live by Work Alone”: An Interview with N.S. Polishchuk [“Zhili ne tol’ko odnoi rabotoi”: interv’iu s N.S. Polishchuk]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 5, pp. 25–38. <https://doi.org/10.31857/S0869541523050032>
EDN: YDWQJM ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Sergei Alymov | <http://orcid.org/0000-0001-9988-9556> | alymovs@mail.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospect, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

Soviet ethnography, history of anthropology, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, ethnography of workers

Abstract

In an interview to S.S. Alymov, the ethnographer and philologist N.S. Polishchuk talks about her biography, academic career and work at the Institute of Ethnography in the 1960s–90s. The conversation covers topics such as the development of studies in the area of ethnography of the city and workers, the activities of the journal “Soviet Ethnography”, and the international contacts of Soviet ethnographers. N.S. Polishchuk further shares interesting information about the everyday life of scholars at the Institute of Ethnography, the fate of P.G. Bogatyrev, and much more.